

Глава первая

Франция, февраль 1871 года

Холод был свиреп. Жгучий ветер гулял по черно-серым полям под свинцовым небом, снова обещавшим снег. Пятна прежнего снегопада еще держались в изгородях и закрытых от ветра лощинах по сторонам дороги. Затянутые ледком лужи хрустели и трещали под копытами лошадей и колесами кареты. Дорога, если ее можно так называть, была вся в колеях и рытвинах и затвердела, как железо. Кучи грязи, в теплую погоду засасывающие колеса в себя и отпускающие их с чмокающим звуком, стояли каменными твердынями, не уступая ни на толику. И потому, несмотря на самые современные рессоры, каждый оборот колес встряхивал пассажиров кареты немилосердно, да так, что стучали зубы, трещала голова, а тело болело, будто каждый его дюйм был покрыт синяками.

Одиннадцатилетняя Элен Сен-Клер плотнее прижалась к матери, стараясь сохранить тепло, потому что пронизывающий холод, невзирая на одеяло и подбитый мехом дорожный плащ, пробирал ее до костей. Когда наконец закончится дорога? Скоро ли можно будет выбраться из этой промерзшей тряской кареты и согреться? Задернутые шторы якобы удерживали остатки тепла, и поэтому невозможно было следить за течением времени, глядя в окно. Очень хотелось спросить: «Долго еще?» Но Элен молчала. Смысла нет спрашивать: мама не знала.

Обычно путь от Сент-Этьена занимал два дня, но в этот раз они находились в дороге почти трое суток, да еще в условиях, когда лошади, напрягаясь, борются с ветром, и кто знает, сколько часов им еще ехать.

«Как же, наверное, замерз папа», — подумала Элен и стала гадать, почему он решил ехать снаружи, а не внутри кареты, с удобствами, как поступал обычно. Она повернулась спросить у мамы, однако глянула на нее и в тусклом свете, пробивающемся сквозь шторы, увидела, что глаза у мамы закрыты, а лицо осунулось от холода и усталости.

Тут карету сильно трянуло, и Розали Сен-Клер, встревоженно открыв глаза, сильнее прижала к себе спящую у нее на коленях девчущку, закутанную в меховой кокон, — Луизу, свою младшую дочь. Малышка беспокойно зашевелилась, но не проснулась. Карета поехала дальше, трясясь и переваливаясь, а мадам Сен-Клер ободряюще улыбнулась двум старшим дочерям. Клариса, обогнавшая Элен на три года, поежилась и ту же стянула капюшон вокруг лица.

— Мама, сколько нам еще ехать? Мы почти на месте? — спросила она недовольным тоном.

Розали чуть раздвинула шторы и выглянула в окно. Унылая сельская местность сменилась россыпью домиков — карета въехала в деревню, и, свернув на главную площадь, кучер остановил лошадей.

— Вот, — раздался голос пятого пассажира кареты, сжавшегося в комок рядом с Кларисой. — Прибыли. — Мари-Жанна, няня детей, выглянула из-под кучи одеял, сверкнув черными бусинами глаз.

Элен любила Мари-Жанну почти как маму. Старенькое лицо нянюшки с такими уютными морщинками, родное и неизменное, всегда успокаивало ребенка,

и в час неуверенности или огорчения нянины объятия оставались теплы и надежны.

— Боюсь, что нет, Мари-Жанна, — возразила мадам Сен-Клер. — Это гостиница. Но здесь можно будет согреться и поесть, а это нам сейчас нужнее всего.

Она бережно разбудила спящую Луизу, которая тут же начала капризничать.

Дверца кареты распахнулась, и внутрь заглянул Эмиль Сен-Клер, глава семьи. Он посмотрел на хныкающую Луизу, и ребенок тут же затих.

— Остановимся здесь перекусить и сразу дальше, — объявил Эмиль жене. — К вечеру я намерен быть в Париже.

Его семейство выпуталось из одеял и выбралось из кареты. От резкого ветра девочки задохнулись, и Мари-Жанна хлопотливо провела их через мощный двор под защиту гостиничных стен. Мсье Сен-Клер снял номер на втором этаже, и когда все втиснулись в гостиную, девочки заплакали от счастья при виде ревущего пламени в камине, забранном решеткой. Сбросив муфты и плащи, они сгрудились у огня, протягивая к нему окоченевшие руки. Элен села на пуфик у очага и, пододвинув к нему ноги, ощутила чудесное, хотя и болезненное покалывание в онемевших ступнях. Постепенно божественное тепло окутало все ее тело.

— Долго мы здесь не пробудем, — предупредил отец, войдя через секунду и увидев сгрудившихся у камина домочадцев. — Не исключено, что снова пойдет снег, а ехать через вьюгу опасно. Можно попасть в серьезную беду.

Выслушав решение мужа, мадам Сен-Клер подумала, что если действительно близится снегопад, то лучше бы заночевать в гостинице, чем нестись вперед,

в полную неизвестность. А вдруг их дома больше нет? В конце концов, Париж обстреливала артиллерия.

Этот страх донимал ее с самого отъезда из Сент-Этьена. Мир безвозвратно изменился с тех пор, как они последний раз были в Париже, и ей хотелось бы, чтобы Эмиль дождался ответа на посланные письма до того, как вытаскивать семью из относительной безопасности загородного дома. Этими тревогами она поделилась с мужем, но его решение вернуться домой оказалось непоколебимым.

В начале июля прошлого года они уехали из столицы в Сент-Этьен просто затем, чтобы не торчать в грязном городе в летний зной. Даже в фешенебельных кварталах вроде Пасси, где они теперь жили, запах в августе становился трудновыносимым. Они собирались вернуться как обычно, в сентябре, а дом оставили на попечение Жильбера и Марго Дорье, дворецкого и его супруги.

Но события разворачивались стремительно. Объявление войны Пруссии, потом ошеломительное наступление прусских войск и унижительные поражения французской армии, посланной их остановить, заставили семью остаться в Сент-Этьене. Когда был осажден Париж, полностью окруженный немецкими войсками, Розали и Эмиль Сен-Клеры возблагодарили Бога, что уехали в деревню, тем самым избежав ужасов осажденного Парижа.

Провинцию наводняли слухи: парижане мрут как мухи от голода и болезней, а защитники города после неудачных попыток прорыва мало что могут сделать, кроме как затянуть пояса и ждать помощи извне. Но идти на выручку было некому: французские войска капитулировали, предоставив Париж его судьбе, и позор поражения был тяжким.

Розали и Эмиль ощущали эту тяжесть не менее всех прочих. Оба их сына, Жорж и Марсель, служили в армии и, насколько знали родители, участвовали в катастрофической битве при Седане, когда в плен попал сам император Наполеон. С той поры вестей от сыновей не поступало. Неизвестно было даже, живы ли они.

Страх за Жоржа и Марселя не отпускал Розали ни днем, ни ночью. Он постоянно напоминал о себе, как ноющая боль. Розали знала, что Эмиль тоже тревожится, но он никогда не говорил об этом вслух, не делился с женой своими опасениями, а ей не хватало утешения, которое могли бы дать разговоры с ним.

Эмиль, хороший муж и отец, никогда не проявлял своих чувств открыто, считая это слабостью. Поэтому от детей он получал уважение, но не привязанность. Розали его очень любила когда-то и продолжала любить сейчас, но он ясно дал понять, что проявления этой любви неуместны, и поэтому всю свою нежность Розали обратила к детям, получая от них ответную ласку. Дни после капитуляции армии при Меце и Седане превратились в недели, потом в месяцы, а известий ни от Жоржа, ни от Марселя не было. Тысячи убитых, еще тысячи попавших в плен, и Розали, не зная ничего о сыновьях, страдала по ним обоим.

Наконец закончилась осада и были согласованы условия перемирия. Эмиль Сен-Клер стремился вернуться в Париж. Он терпеть не мог бездеятельность, и даже обычный отпуск с семьей на два месяца в деревне напрягал его до предела. Когда он чувствовал, что спокойная жизнь засасывает, то возвращался на пару дней в Париж, оставив семью наслаждаться покоем Сент-Этьена. Однако из-за войны два месяца превратились почти в восемь, и Эмиль Сен-Клер был готов спорить

от ярости и досады. Точно лев по клетке, расхаживал он по дому и саду, думая о том, как вернуться в любимый Париж к своей всепоглощающей работе — перестройке города.

У Луи-Наполеона были гигантские планы по переустройству столицы, и он расчистил место, снеся тесные дома и трущобные районы, чтобы на их месте создать широкие бульвары с изящными зданиями. Однако это означало, что в оставшихся трущобах скучилось еще больше народу. Для архитектора Эмиля Сен-Клера все это предопределяло более чем полную занятость. Проекты он составлял простые, но добротные, и хотя ни одно из главных общественных зданий не было построено им, комфорт новых домов, раскинувшихся на западном краю Парижа, во многом был его детищем. В результате семья Сен-Клеров вскоре отлично устроилась в двухэтажном сером здании на тихой улице, авеню Сент-Анн в округе Пасси, а еще Сен-Клеру принадлежала кое-какая недвижимость на Монмартре, что добавляло ему если не престиж, то доход.

Он был рад, что его родным не пришлось переносить опасности и лишения осады, но сейчас заключен мир, и Эмиль, не теряя времени, организовал возвращение семьи в Париж, при этом известив домоправителя, а также свое архитектурное бюро.

«Я решил, что мы все должны вернуться в Париж, — сообщил Эмиль Розали. — Я не могу больше находиться вдали от работы, и также не могу оставить тебя с девочками в Сент-Этьене без защиты. Хотя война закончилась, страна не свободна от немецкой оккупации. Повсюду запросто разгуливают прусские солдаты, и это очень опасно. В Париже вам будет надежнее».

Он говорил убежденно, с верой в собственную правоту. Розали не была так уверена, но после робких, не принятых мужем возражений она его решение приняла. Ее место рядом с ним, а в такие смутные времена семья не должна разделяться. Она ждала вестей от Жоржа и Марсея, и, казалось, вероятнее получить их в столичном городе, а не в глухой провинции. Эти рассуждения в конечном счете и заставили ее согласиться с планом мужа.

Эмиль съездил в штаб немецких войск, преграждающих путь из Сент-Этьена, и попросил разрешения на возвращение семьи в Париж. Его с холодной вежливостью принял майор Шаффер, которому и было адресовано заявление. Офицер подчеркнул, что многие парижане после снятия осады, наоборот, изо всех сил стараются покинуть истерзанную войной столицу. Он предостерег об опасности подобного путешествия, тем более что железные дороги в полном объеме не восстановлены и ехать придется на лошадях. Тем не менее Сен-Клер остался непреклонен. В конце концов майор Шаффер пожал плечами и подписал необходимые бумаги. С ними Эмиль триумфально вернулся домой.

«Все устроено! — крикнул он с порога. — Через два дня едем в Париж».

Но когда карета, качаясь, выехала из ворот Сент-Этьена, оставив позади безопасность и уют, Розали не удержалась от вздоха сожаления и не смогла подавить ползучий страх, мол, не будет все в Париже хорошо, когда они приедут. Сейчас до города оставалось лишь несколько миль, и ей хотелось оттянуть критический момент въезда в Париж.

— Ты не думаешь, дорогой, что нам лучше заночевать здесь? — попробовала она предложить, озабоченно

глядя в окно на свинцовое небо. — Если опять пойдет снег, можем попасть в метель и насмерть замерзнуть.

Губы ее мужа сжались в прямую линию. Он вынул из кармана очки в золотой оправе и, водрузив их на нос, холодно поглядел на жену поверх стекол. Такая у него была привычка, когда он чувствовал вызов своему авторитету, и практически не бывало случая, чтобы под этим тусклым взглядом его жена продолжала бы возражать.

— Я не склонен думать, что вероятность этого велика, — сказал он. — Ты знаешь, что мы уже почти на месте, и я уверен, что детям будет лучше ночевать в собственных кроватях, а не третью ночь подряд — в деревенской гостинице.

Розали не успела ответить — открылась дверь и вошла служанка с подносом, на котором стояли горячий шоколад, пустые чашки, тарелки с кусками жареной курятины, хлебом и сыром. Поставив поднос на стол, служанка удалилась, не произнеся ни слова. Мари-Жанна разлила шоколад по чашкам, и девочки благодарно взяли их, согревая руки перед тем, как начать пить.

— Снег идет! — вдруг крикнула Луиза и, поставив чашку возле решетки, подбежала к окну.

Элен присоединилась к младшей сестренке, и, встав рядышком коленками на скамеечку, девочки прижались носами к стеклу, глядя, как большие белые хлопья медленно планируют с неба и ложатся белой мантией на булыжники двора и плиты расположенной неподалеку конюшни. Со снегопадом наступили сумерки, и Розали с огромным облегчением услышала, что Эмиль, отказавшись от своего прежнего решения ехать любой ценой дальше, заказывает постели на ночь.

— Отойдите от окна и пейте шоколад, пока он окончательно не остыл, — велела она дочерям, и они неохотно вернулись к камину.

Розали решила задернуть тяжелые шторы, оставив ночь снаружи. Однако в тот момент, когда она подняла руку, снизу послышался стук копыт — подъехал взвод солдат. С криками и смехом они спешили и заколотили в дверь гостиницы.

Розали поспешно задернула шторы и постаралась отвлечь девочек от шума снаружи. Последние месяцы она тщательно их оберегала от вестей о войне, а теперь из-за решимости Эмиля вернуться в Париж как можно скорее они ночуют тут, наверху, а внизу пьют немецкие солдаты.

После ужина Розали и Мари-Жанна отвели детей в спальню и уложили всех троих в огромную кровать.

— Завтра будем дома, — пробормотала Элен, когда мать поцеловала ее на ночь.

— Да, завтра дома.

И под мерное поскрипывание кресла-качалки, в котором устроилась Мари-Жанна, усталые с дороги сестры заснули.

Когда они проснулись утром, мир за окном был белым и блестящим. Снегопад оказался не так силен, как опасался Эмиль, и снежное одеяло, укрывшее деревню и мерцающее на зимнем солнце, было толщиной всего в дюйм-другой. Ветер, такой жгучий накануне, стих, и вряд ли дорогу могло замести сугробами, так что Эмиль решил трогаться в путь незамедлительно. На февральском небе, холодном и голубом, не было ни облачка, и настроение у всей семьи стало лучше, чем в первые дни путешествия.

Эмиль велел запрягать, и лошади стояли во дворе гостиницы, фыркая и пуская облака пара в морозном утреннем воздухе. А тем временем девочки, их мать и няня снова влезли в карету и устроились среди одеял. На этот раз они не стали закрывать шторы, и солнечные лучи согревали карету, хоть и едва заметно.

— А почему папа с нами не едет? — спросила Элен, увидев, что отец снова садится на лошадь. — Зачем ему ехать снаружи и мерзнуть?

Мать объяснила, подбирая слова:

— Так ему проще вовремя заметить впереди возможные проблемы.

— А какие могут быть проблемы? — не отставала Элен.

— В такую погоду надо принимать дополнительные предосторожности, — ответила Розали. — На дороге могут быть сугробы, упавшее дерево, другие экипажи, которые поломались или даже перевернулись в снегу. Все это нужно заметить заранее.

Элен подумала, что при такой медленной езде, какая была до сих пор, вряд ли они могут на что-то налететь. Но не успела она сказать это вслух, как заговорила Клариса:

— Он смотрит, чтобы на нас не напали. Говорят, что в Париже люди по-прежнему голодают и путешественникам может грозить опасность. Их могут зарезать за кусок хлеба.

— Клариса, не говори глупостей! — резко оборвала ее мать, бросив тревожный взгляд на забившуюся в угол Луизу.

— Но это правда, мама! — горячо возразила Клариса. — Я слышала, как хозяин гостиницы советовал папе опасаться горожан. Они даже котов и крыс сейчас

едят. Крысы — фу! Я бы не стала есть крысу, даже умирая от голода.

— Хватит, Клариса! — одернула ее Розали. — Не хочу больше тебя слушать.

Клариса замолчала, но, поймав взгляд Элен, губами беззвучно произнесла слово «крыса» и состроила рожицу.

— Нам правда, когда приедем домой, придется есть крыс, мама? — спросила Луиза.

— Разумеется, нет! — ответила мать.

— Это хорошо. — И Луиза зарылась в одеяла поглубже.

— Они могут угнать наших лошадей, — зашептала Клариса Элен, — чтобы съесть...

Но мать нахмурилась, глядя на старшую дочь, и та не стала развивать тему.

В окно заглянул Эмиль.

— Как вы тут? — спросил он.

— Готовы ехать, — ответила ему жена.

Он дал команду, и карета медленно, постукивая на неровностях, двинулась к выезду со двора гостиницы на дорогу, ведущую к Парижу.

Розали зашторила окно, и все приготовились вытерпеть последние несколько миль неудобного путешествия. Элен, на этот раз сидевшая возле Мари-Жанны, думала над словами Кларисы. Она поняла, что Париж может оказаться совсем не таким, каким она его помнила, и ей стало страшновато. Одна горничная в Сент-Этьене, Анна-Мари, говорила про осаду, расписывая ее во всех подробностях, которые ей подсказывало богатое воображение:

«И вот с места мне не сойти, мадемуазель Элен! Робер, мой брат, он там был. Люди, говорит, скелеты

ходячие, просто скелеты! А прусские солдаты знаете какие бывают? Они детей едят. Варят и потом едят».

У Элен глаза на лоб полезли, а Анна-Мари, чувствуя, какое производит впечатление, понизила голос до ледящего шепота:

«А еще говорят, что у некоторых солдат по две головы! Все потому, что пруссаки эти совсем не такие, как мы, французы, и уж конечно ни одной девочке к ним и на милю подходить нельзя. А Робер говорит...»

Но дальнейших сведений из этого источника Элен не получила, потому что в комнату вошла Мари-Жанна, которая по блеску глаз Анны-Мари и страху на лице Элен немедленно оценила ситуацию и, послав горничную заниматься делами, сама всеми силами постаралась успокоить девочку.

В какой-то мере няне это удалось, особенно что касалось мифа о двух головах и пожирании детей. Ужас перед услышанным несколько ослабел, хотя все равно Элен было непонятно, какая опасность может грозить девочке за милю от пруссака. У них такое острое зрение? И почему только девочкам? Пруссаки их ненавидят сильнее, чем мальчиков?

Боясь ответов, Элен не стала задавать вопросов.

Карета катилась, постукивая, своей дорогой, и Элен смотрела на уползающий назад пейзаж. Все было не так, как ей помнилось, а совсем незнакомо и страшновато. В окрестных деревнях стояли покинутые дома и усадьбы: их владельцы сбежали в Париж, когда пришли немцы, и в захваченных домах разместились войска. Элен глядела, побледнев от страха, на блиндажи и укрытия, соединенные длинными ходами сообщений, превратившие деревни в одну длинную ленту укреплений.

— Мама, — позвала она шепотом, почему-то не решаясь говорить вслух. — Почему все деревни полны солдат? Это пруссаки?

Мать, плотно сжав губы, кивнула, и Клариса тихо вскрикнула:

— Ой, нас же всех убьют!

— Клариса, спокойно, — оборвала ее Розали. — Война окончена, нам нечего бояться. У твоего отца в кармане разрешение на поездку.

Но собственный страх ей не удавалось подавить до конца, тем более когда вблизи городских стен она увидела причиненные войной разрушения. Исчезли дома и деревья, снесенные, чтобы облегчить оборону Парижа — дать большим пушкам на стенах города широкий сектор обстрела, — и остались уродливые пни да груды щебня. Во многих местах сама дорога, по которой ехала карета, исчезла полностью, и приходилось продвигаться с черепашьей скоростью по неровной каменной земле, рискуя в любой момент потерять колесо и даже перевернуться.

Карета подпрыгивала, раскачиваясь, на замерзших колеях, и Элен, крепко держась за руку Мари-Жанны, со страхом наблюдала картины опустошения. Впечатление разрухи усиливалось снежной пеленой, скрывшей все цвета местности, сделавшей из нее черно-белую гравюру на фоне грифельно-серого неба.

Больше никто по дороге в этот день не ехал, и жутковатую тишину нарушал лишь звук движения экипажа. Поэтому Эмиль сразу заметил идущий навстречу конный отряд и дал сигнал кучеру Пьеру его пропустить. В блаженный миг, когда прекратилась качка и подпрыгивание кареты, Элен, выглянув в окно, увидела

приближающихся конников, услышала цокот копыт по замерзшей дороге.

Возглавлявший отряд офицер приказал остановиться и подъехал к отцу, о чем-то его спрашивая. Все пассажиры кареты застыли в испуганном ожидании после слов Элен:

— Это солдаты. Один с папой говорит.

Эмиль предъявил разрешение на поездку, полученное от майора Шаффера, и немецкий офицер после короткого разговора пожал плечами и махнул рукой своим людям, чтобы продолжали движение. Те рысью объехали карету с двух сторон, и девочки смотрели на них в окна. Луиза с большими от удивления глазами помахала рукой, и, как ни поразительно, один из немецких солдат улыбнулся и помахал в ответ.

— Луиза! — в ужасе крикнула Клариса. — Это же враги!

— А этот был хороший, — безмятежно заметила Луиза. — Он же не враг, правда, мама?

— Луиза, он немец, — ответила Розали. — Но, возможно, он добрый человек. Может быть, у него даже есть маленькая дочка, такая как ты.

— У немцев бывают маленькие дочки? — всерьез заинтересовалась Луиза.

— Конечно, бывают! — свысока воскликнула Элен, хотя, вопреки ее утверждению, мысль о том, что у немцев имеются семьи, была для нее абсолютно нова и даже несколько трудна для восприятия. Немцы или пруссаки — это буйная армия, вторгшаяся во Францию и разлучившая Элен с братьями.

Эмиль Сен-Клер снова подъехал к окну, Розали опустила стекло, и муж спросил:

— Как вы тут? Мы уже недалеко от ворот.

Жена ответила, что нормально, и Эмиль велел Пьеру ехать дальше. Карета снова начала мучительное движение.

Элен с жутким интересом, смешанным с ужасом, глядела в окно, ожидая увидеть описанных Анной-Мари ходячих скелетов, но ни одного не заметила. Наконец карета остановилась, и девочка долгую минуту могла только радоваться, что больше не трясет. Выглянув в окно, чтобы понять причину остановки, Элен увидела, что они уже у стен Парижа и ждут возле ворот. Потом громкие голоса привлекли к возникшему спору внимание всех пяти пассажирок. Слышно было, как папа сердито что-то говорит, а кто-то другой кричит в ответ. Элен и Клариса привстали, вытянув шеи, пытаясь разглядеть, что происходит, но были усажены матерью на место.

— Девочки, пожалуйста, сидите спокойно и ждите, пока ваш отец поговорит с привратником. Все, что вам полагается знать, папа вам, без сомнения, сообщит. — Розали высказалась резко, чем намеревалась, — страх обострил ее речь. Она и сама тоже напрягла слух, пытаясь понять причину задержки.

Однако неведение длилось недолго. Эмиль Сен-Клер вернулся к карете и открыл дверцу. На лице его полыхала едва сдерживаемая ярость, и он произнес тихим, сдавленным голосом, присущим ему в минуты гнева:

— Дорогая, я должен попросить вас всех выйти из кареты на минутку, если не трудно.

Шагнув в сторону, Эмиль предложил жене руку, помогая спуститься по ступенькам, потом необычайно заботливо взял на руки каждую из дочерей и осторожно поставил на землю рядом с матерью.